

Кульбура-2003-29 мая-4 июня, - с. 13

Храм на небоскребе

Японские ритуальные танцы в современном прочтении

Нынешний, V Чеховский фестиваль имеет явно выраженный азиатский акцент. Что тому причиной – истощенность, пресыщенность западной театральной идеи, рецидив русского евразийства, расклад персональных контактов или череда других обстоятельств, еще предстоит обдумать. Пока очевидно только, что на азиатском направлении V Чеховского ведущая роль принадлежит Японии как богатейшей театральной стране региона. Японская программа включает спектакли золотого фонда Но и Кабуки, а увертюрой стали вечера театра Хаячинэ-такэ-Кагура и спектакли современного танца “SIDE B” Икуйю Курода и “Куда плывет тростник” Рейко Ното.

Хаячинэ-такэ-Кагура в Японии считается “народным культурным наследием нематериальной формы первой степени” и 60 раз в году танцует в театрах и храмах. Более древние, чем классический театр, эти ритуальные танцы сложились на деревенских праздниках во времена, когда глобальные религии еще не поглотили местные культы, и крестьяне могли на свой лад задобрить деревенского духа, посылающего хороший урожай и спокойную старость. На беглый взгляд танцы Хаячинэ-такэ-Кагура похожи на обрядовые действия Бирмы или Южной Индии: организуемый действо ритм, синкопы медных, порывистые развороты, пестрые краски; появившаяся маска

“страшного” духа-льва усилила впечатление. Но жесткий регламент деталей и особое внимание к костюму, в котором нагружен смыслом каждый узелок, позволяют опознать в народном театре Хаячинэ-такэ-Кагура черты великого предка Кабуки и Но. У театра есть первозданный вкус к театральной условности, вместо кулис здесь только занавес-задник да нить с гроздьями оригами, обозначающая квадрат сцены; все, что происходит вне волшебного квадрата, имеет только вспомогательное значение. Минимализм соседствует с буйством ритма и красок, а строгая последовательность сцен – с непосредственностью музыкантов, которые подбирают оброченный реквизит и переговариваются в паузах между номерами. Все вместе составляет бездонный “парадокс сочетания”, в котором черпают идеи и средства современные направления японского театра.

Его наиболее радикальный представитель Икуйю Курода, дебютировавшая недавно призом Международного фестиваля танца в Сен-Сен-Дени. Без знакомства с эстетикой Хаячинэ-такэ-Кагура не понять, откуда у выпускницы британского Лабан Центра вкус к изысканному черному на черном и к особому рода экспрессии жеста; не важно, что под давлением канона оказываются проблемы жительницы современного мегаполиса. То, что было призна-

ком этнографического наива, в “SIDE B” стало резкой метафорой и неявной цитатой – как и в Хаячинэ, артисты несколько минут танцуют за едва поднятым занавесом, который скрывает лица. В спектакле “Куда плывет тростник” Рейко Ното таких кровных и грамотно опосредованных связей нет, эта труппа – наследник неявный и испачканный европейскими представлениями о “красивом на сцене”; но паузы и ракурсы “тростника” говорят о живучей традиции. Прорастая во времени и жанрах, она питает рассудочность и наивность, замкнутость и открытость к бесполезно красивому, минимализм и избыточность каждого жеста. Очень может быть, что главный секрет японской театральной традиции сокрыт в этой бинарной гармонии “инстинктивно-театрального”.

Пару слов о грамотном обрамлении: дирекция чеховского фестиваля предложила труппам для выступления полный свет и воздух театр Васильева на Сретенке. В этих мраморно-деревянных интерьерах, адекватных японским представлениям о связях театра с миром, японцы подчеркнули еще и то, что они умеют и возводить традицию в культ, и грамотно ее культивировать.

Лейла ГУЧМАЗОВА

Фото

Михаила ГУТЕРМАНА

Под маской — живое лицо традиции

Ното Рейко

4.06.03.